

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(Минкультуры России)**

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
**«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ КУЛЬТУРЫ» (СПбГИК)**

191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 2
тел.: (812) 318-97-97, e-mail:
dp@spbgik.ru, http://www.spbgik.ru
ОКТМО 40908000 ОГРН 1027809226610
ИНН/КПП/ 7825011824/784101001

08.06.2022 № Д115-1.1.1.3-34/22

«УТВЕРЖДАЮ»

Проректор по учебной и
воспитательной работе,
доктор исторических наук,
профессор

« 8 » мая 2022 г.

ОТЗЫВ

ведущей организации Федерального государственного бюджетного
образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный институт культуры»

на диссертацию Скуридина Олега Александровича

**«Воинский памятник как феномен культуры
полисного патриотизма»**

на соискание ученой степени кандидата культурологии
по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология),
представленную к защите в диссертационный совет Д 900.006.01 по защите
докторских и кандидатских диссертаций при
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»

Заявленное исследование О.А. Скуридина написано на актуальную
тему. Военная история является одним из основных эпизодов, которые
вовлечены в круг пристального внимания ученых гуманитарных
специальностей (и не только гуманитарных). Воинский памятник в таком

контексте превращается в один из маркеров исторического сознания, овеществленного в образах соответствующих искусств: архитектуры, искусства и живописи. Античная традиция воинских монументов была заимствована европейской культурой в позднем Средневековье, развита в эпоху Нового времени, специфически найдя себя и в русской художественной культуре. Через эту традицию Россия не только приобщена к наследию древних цивилизаций, но и является продолжателем некоторых форм античного нарратива.

Олег Александрович убедительно показывает необходимость проведения настоящего исследования. Анализирует литературу, источниковую базу, ставит цель, задачи, формулирует гипотезу и положения, выносимые на защиту. Всё это соответствует материалу изучаемой эпохи и выбору методологии, которая базируется не только на теоретическом основании исторической науки, но и на междисциплинарных связях. Основой этих связей является культурологическая эпистема исследования.

Объект и предмет исследования, цель и задачи определены и поставлены корректно. Соблюдена логическая последовательность решения научных задач, что получило убедительное и непротиворечивое освещение в отдельных параграфах текста диссертации. Не вызывает сомнения выбранная методология. Использование современной гуманитарной терминологии представляется корректным и убедительным по существу самих терминов и не вступающим в конфликт с сутью описываемых явлений. Научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования, а также положения, выносимые на защиту, убеждают в справедливости формулировок и отражают результаты длительной и кропотливой работы, проведенной диссертантом.

Детально проработана научная литература и те памятники античной письменности, которые ныне относятся уже к опубликованным источникам.

В структурном измерении диссертация состоит из двух глав, разделенных на параграфы, введения, заключения и списка литературы.

Структура исследования соответствует изученному материалу и гносеологическим намерениям автора с дальнейшей телеологической актуализацией полученных результатов.

В первом параграфе первой главы «Культура полисного патриотизма» О.А. Скуридин анализирует понятие патриотизма и привязывает его к феномену древнегреческого полиса. Город-государство рассматривается через призму образной системы, которая включала в себя элементы природы, градостроительства, трудовые заботы, погребальные обряды, формы повседневной культуры и др. Автор делает справедливый вывод, что различные физические условия развития древнегреческих городов, стимулировали различные же установки на патриотизм. Он мог окрашиваться в оттенки военного превосходства, достижений в области культуры и спорта, совершенного ремесла и многообразия общественной жизни, следовательно, возможно говорить о разных «патриотизмах» эллинской ойкумены.

Вместе с тем, патриотизм оформляется в систему идей, которые получали развитие в политике, законодательстве, в многочисленных прениях в условиях рабовладельческой демократии. В этом смысле патриотизм становится концептом, требующим аналитического осмысления, допускающим нравственные aberrации, ставящие во главу угла не человека, а государство. Интересно, что такой сущностный конфликт Олег Александрович видит в противопоставлении «Я» и «Мы» античного общества, что приводит к злоупотреблениям, к хорошо известной тирании в древнегреческих государствах. Борьба с деспотом, убийство тирана становится общенародным благом и достойным для подражания примером, поскольку ведет к свободе. Свобода для эллинов – есть то бесценное состояние, которое и составляет существенную часть концепта «патриотизм». Свобода ведет и к состязательности: диссертант справедливо отмечает связь между агонем древнегреческих спортивных игр и агонем самой войны, развивая это сравнение, в том числе, и на примере Греко-

персидских войн. Объединение всех эллинов перед общим врагом обеспечивает переход к осознанию некоей культурной и политической общности, несмотря на разрозненность греческих государств. Ценным в данном параграфе является анализ понятия патриотизма в трудах античных мыслителей, в том числе и в утопических конструктах Платона. О.А. Скуридин выявляет на основе проведенного анализа основные качества и черты патриота в идеалистических философских построениях древних авторов.

Во втором параграфе первой главы «Античный воинский памятник как культурный феномен» автор рассматривает понятие памятника в его материальном выражении и берет это понятие широко – как объект почитания, который может быть овеществлен в любой осязаемой форме культуры, как особая вещь, архитектурное сооружение или даже корабль. Интересно, что в данном разделе мы встречаем обращение к психологическому феномену памяти как свойству нашего мозга транслировать информацию, полученную в прошлом. Таким образом, памятник по определению становится текстом, а текст – знаком, что погружает исследователя в проблематику семиотики культуры. Память рассматривается как код, а памятник как хранитель кода, оба эти феномены приходят в конгруэнтное состояние при правильном прочтении «текста» монумента, что порождает богатство ассоциаций, рефлексий и аффектов у реципиента. Сам текст может передаваться и сохраняться в различных формах при утрате памятника, вбирая в себя мифологические конструкции, вымыслы и заблуждения, что только усиливают памятный знак в его долгих транскрипциях в ходе продолжительного исторического времени. Стоит отметить классификацию памятников, которую дает диссертант в настоящем разделе.

Третий параграф первой главы «Культурная память как концепт исследования» посвящен концепту «культурная память». Анализируется память, как способность, отдельного человека и общества в целом. При этом

в первую очередь рассматривается историко-культурный компонент воспоминаний. Память неизбежно связана с темпоральной динамикой, встроена в субъективные ощущения времени и в многочисленные попытки фиксации исторического, культурного и социально-политического измерения времени, как совокупности ощущений и переживаний. Информативная неустойчивость темпоральных состояний порождает миф, не как модель религиозно-поэтического творчества, а как состояние широкого социального заблуждения какой-либо определенной общественной группы. В этом временном потоке, состоящем из постоянно меняющихся паттернов-воспоминаний, из правды и вымысла, устанавливается связь между личностью и обществом. Однако основным драйвером такого потока (ядром), по мнению О.А. Скуридина, становится важное событие, обычно связанное с войной. Ядро, таким образом, является местом пересечения «наследия» и «героя», фиксируя эти понятия как основные для памятника. Учитывая это, не стоит удивляться локализации памятника как обязательному процессу. Памятник обязан быть связан с определенным локусом, поскольку в символическом виде он представляет Отечество, а в физическом смысле – расположен на родной земле.

Первый параграф второй главы «Могильные сооружения как воплощение коммеморативного символа «Героическая смерть» посвящен надгробному памятнику как произведению монументальной художественной культуры. Анализу подвергаются гробницы, стелы, специализированные сооружения, обряд погребения, бальзамирование, ритуалы, связанные с проводами и чествованием героя. Приводится классификация захоронений по типам погребений, рассматривается эпитафия, как мемориальная форма культуры. Поскольку герой защищал родной город, постольку локализация погребения была связана с самим городским поселением и вплеталась в градостроительную канву архитектурного тела полиса. Заслуживает внимания тот факт, что автор подробно изучает функцию памятника, казалось бы, открытого в своем утилитарном назначении. Однако диссертант

показывает богатство функционального назначения памятника. Стоит отметить, что погребение не отчуждалось от повседневного пространства города, а оставалось на виду, словно включенное в активную общественную повседневность живых еще соотечественников. Пространственная доступность памятника породила и такую его символическую форму как кенотаф.

Второй параграф второй главы «Места памяти» как воплощение коммеморативного символа «Героическая жизнь» посвящен памятникам, возведенным в честь героических деяний, или, если шире, важному событию большой военно-исторической значимости. Речь идет о «местах памяти», притягивающих к себе широкие слои античного мира, словно «туристические» локации или объекты «паломничества». Эти объекты начинают работать как свидетельства подлинности деяний, как сакральные локусы, связанные с почти религиозным почитанием героев, и как воспитательный инструмент, с помощью которого можно было бы развернуть богатый общественно значимый нарратив. В качестве таковых памятников рассматриваются и воинские трофеи. Последние подробно описываются О.А. Скуридиным; проводится их классификация, указан генезис, показано развитие в формате архитектурных и даже риторико-понятийных («заключенный мир») представлений.

В третьем параграфе второй главы «Священные места памяти» как воплощение коммеморативного символа «Наследие» рассматривается становление вида коммеморативной практики – генезис «священных мест памяти» как способ реализации символа «Наследие». Здесь уделяется большое внимание трансформации воинских памятников из объектов «корпоративного» и «гражданского» поклонения в объекты религиозного почитания. «Священное» анализируется сквозь дихотомию сакрального и профанного, что уместно применительно к античной культуре с ее делением на мистерии для эзотериков и экзотерические действия для большинства. Стоит отметить акценты, которые делает диссертант: «дар» включается в

концепт священного места. Приношение даров и сам феномен дара для античной культуры является ключевым, особенно в практике поклонения божествам (в том числе, и в пору сложения предмузейного накопления – в храмах муз, Мусейоне). Жертва воина – тоже дар. Таким образом, принесший себя в жертву – обожествляется, что ведет к сакрализации героя-воина и к освящению военной истории. «Наследием», в таком случае, становится мифо-опозитизированный дар-жертва, память о котором овеществлена в памятнике-мемориале. В сухопутном варианте такая последовательность понятий могла приводить не просто к созданию здания или стелы, но к сооружению целого архитектурного ансамбля. Кто знает, не является ли ансамблевое мышление греков в архитектуре производным от их системы фиксации воинской памяти в мемориалах. Статуи, храмы, алтари не являлись только декоративными агентами эстетических представлений древних греков, но вплетались в их религиозную жизнь, а в случае с воинской культурой в «религию меча», предполагавшую, в том числе, и обряд инициации.

В четвертом параграфе второй главы «Мемориалы, воплощавшие коммеморативный символ «Герой» рассматривается генезис мемориалов данной классификационной группы. Стоит заслуженно похвалить О.А. Скуридина за подробный разбор самого понятия «герой» и в универсальном значении, и применительно к культуре античных греков. Герой рассматривается в срезе мифологических прецедентов, а также как коллективный герой-народ, герой-полис. В антропоморфном варианте герой трактуется как прекрасный образ в скульптуре и живописи; автором приведен богатый перечень изобразительных источников.

Текст диссертации отличается богатая фактура. На страницах квалификационного сочинения присутствует обилие имен исторических персонажей, название памятников, городов, географических локаций, приведены описания битв и иных исторических событий. Олег Александрович приводит цитаты из источников, упоминает исследователей и

активно опирается на их труды с соблюдением всех норм добросовестного научного цитирования. Всё это сказывается на общем мощном фактологическом базисе работы, не часто встречающемся в культурологических исследованиях. Гипертекстуальность самого сочинения находит отражение в гипертекстуальной же сути изучаемого материала: в переводе образов и абстрактных понятий на язык памятников материальной культуры.

Теоретическая значимость работы несомненна. В общем виде она посвящена семиотическим проблемам культуры. Речь идет о символическом языке, повествующем о базовых архетипах коллективного бессознательного. Эти образы, первичные паттерны сознания, проявляются в концептах государственности и воинского культа, а почитание этих двух устоев приводят к целой программе, которую можно обозначить как «патриотизм», что в материальном измерении выливается в памятники воинской и гражданской славы, в разнообразные свидетельства, отчеканенные в социальной памяти средствами литературы, архитектуры, скульптуры, живописи, обрядовой и иной общественной деятельности. Изучение воинских практик древних культур – благодарная задача, лежащая в лоне передовых культурологических исследований.

Практическая значимость работы раскрывается в возможности создания модели поклонения павшим, или поклонения жертвам военных конфликтов, что может быть применено, например, в области градостроительства. Не секрет, что современное состояние российских городов в том, что касается проектирования новых жилых и общественных кластеров, оставляет желать лучшего. Исследование нашего автора могло бы послужить материалом для изучения античной практики создания монументов и дать современным градостроителям и скульпторам методологический базис того, как следует изучать исторический материал перед его воплощением в бронзе или камне. Современных российских скульптур достойных сохранения для потомков – практически нет. Античные

греки в этом отношении остаются для нынешних людей недостижимым идеалом.

Новизна исследования заключается, прежде всего, в том, что автор, сосредоточив внимание, казалось бы, на таком частном вопросе, как мемориализация воинского дела, показал его многоаспектное развертывание в ризоматическом плане имманенции, как сказали бы французские философы Ж. Делёз и Ф. Гваттари. О.А. Скуридин продемонстрировал мемориальную героину в качестве одного из стержневых концептов античной культуры, но дал эту демонстрацию на примерах, которые сами древние греки ценили вторичным образом, считая то, что мы сейчас классифицируем как изобразительное искусство, уступающим подлинному искусству поэзии и музыки ремеслом.

Несмотря на добросовестный и весьма качественный характер представленного исследования несколько замечаний диссертанту, все же, следует высказать:

1) Рассматривая добродетели гражданина, воина и героя (стр. 27-29), автор упускает из виду, что эта добродетель имела ярко выраженный характер ксенофобии. Греки с враждой относились друг к другу, что требовало даже в дни мира охранных грамот для чужаков, т.н. проксений, а рынки приходилось ставить на границе государств, используя торговцев в качестве заложников. Древние греки не имели концепта совести, который появится только с приходом христианства, а всякого *иного* считали чужаком со всеми печальными для того последствиями;

2) При анализе совершенной атлетической воинской телесности героя, что нашло отражение в скульптуре (стр. 128), совсем не затронут эротический аспект античной скульптуры, а также любовь наставника к наставляемому, мужчины к юноше, что очевидным образом отражено и в скульптурной группе «Тираноубийцы» (стр. 127) и у часто цитируемого Платона в диалоге «Пир». Собственно, любовь у Платона, но только не к отечеству, а друг к другу, становится залогом воинской доблести;

3) Анализ полисной ситуации по утопии Платона, в частности, по диалогу «Государство» не учитывает очень отвлеченные конструкции философа, часто вступающие в противоречие с классовой сущностью античного мира и его определенным патриархальным характером большой семьи;

4) В списке литературы отсутствует работа В.П. Грицкевича «История туризма в древности» (2005), в которой можно было бы найти много полезного о почитании памятников в ходе специального к ним паломничества;

5) Концепт «Русский мир» вряд ли уместен в данной работе в качестве одного из пунктов актуальности. Тема интересна и важна сама по себе, без привязки к современной политической ситуации. Русская культура богата своей исторической связью с базисом европейской цивилизацией: в то время как Рим заложил основы атлантической Европы, эллинская ойкумена стала фундаментом для восточной (русской) части Европейского континента, обозначив два столпа общего Европейского пути, берущего начало в Античности. Богатства традиций классической культуры России достаточно для обращения к нашим античным корням без привязки к новоявленным политико-идеологическим исканиям.

Тем не менее, эти замечания не умоляют значимости диссертации, но свидетельствуют о перспективности разрабатываемого поля исследования, несмотря на то, что автор решил поставленные перед собой задачи и достиг сформулированной цели.

Автореферат и 11 публикаций, три из которых изданы в журналах, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, достаточно полно отражают материалы диссертации. В целом диссертация О.А. Скуридина «Воинский памятник как феномен культуры полисного патриотизма» представляет собой самостоятельное, законченное и оригинальное научное исследование, проведенное на высоком уровне. Диссертация «Воинский памятник как феномен культуры полисного патриотизма» отвечает требованиям пп. 9, 10,

11, 12, 13, 14 Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 года № 842, а ее автор Олег Александрович Скуридин заслуживает присуждения ученой степени кандидата культурологии по специальности 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология).

Отзыв подготовил Андрей Сергеевич Мухин, профессор, доктор философских наук, доцент кафедры музеологии и культурного наследия.

Отзыв обсужден и утвержден на заседании кафедры музеологии и культурного наследия «31» мая 2022 г., протокол № 10.

Заведующий кафедрой
музеологии и культурного наследия,
кандидат исторических наук,
доцент

Е.Н. Мастеница

Подпись руки

Мастеница Е.Н. заверяю

Ведущий специалист по кадрам
С.А. Степаненко